
**К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПОЭТА
НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА НЕКРАСОВА
(1821—1877)**

Николай Алексеевич Некрасов

**КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО:
ПРОЛОГ**

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень —
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайна тож.
Сошлись — и заспорили;
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь,

Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой...
По делу всяк по-своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы.
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале — то скорей.
Идут — перекоряются!
Кричат — не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б, ночку целую
Так шли — куда, не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь гляючи
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

— Куда?..— Переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали

Ретивым ходокам.
Ой, тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел — умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! Леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак, ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться
Устали — не дойдем,
Присядем, — делать нечего,
До солнца отдохнем!..»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику.
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, —
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,
Не мудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса...

Гляди — уж и вцепилися!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два брата Губины
Утюжат Прова дюжего —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими,
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде заяка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь...
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать!*
Слетелися семь филинов,
Любуются побоищем
С семи больших дерев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого

---

* Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («поранившись колосом», говорит народ).
(Прим. Н. А. Некрасова)

Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть слышала
Людские голоса —
Пришла к костру, оставила
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит!

Сова — замоскворецкая
Княгиня — тут же мечется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала-послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили,
О чем они шумят...

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напились,
Умылись, освежились,
Сон начал их кренить...

Тем часом птенчик крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну — с ладони скатишься,
Чихну — в огонь укаатишься,
Щелкну — мертва покатишься,
А все ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Поспросим — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

— Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли! —
Сказал угрюмый Пров.

— Да по ведру бы водочки, —
Прибавили охочие
До водки брата Губины,
Иван и Митродор.

— Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку, —
Шутили мужики.

— А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску.

— А вечером по чайничку
Горячего чайку...

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: всё прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человеческим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

— А что ты дашь? —

«Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

— А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?

«Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».
— Скажи! —

«Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка,
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
— *Эй, скатерть самобранная!*
Попотчуй мужиков! —
По вашему хотению,
По моему велению,
Все явится тотчас.
Теперь — пустите птенчика!»

— Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю, —
Ответил ей Пахом: —
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь — одежду старую
На нас заворижи!

— Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносились! —
Потребовал Роман.

— Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбились, —
Потребовал Демьян.

— Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася, —
Потребовал Лука.

— Не прели бы онученьки...
Потребовали Губины...

А птичка им в ответ:
«Все скатерть самобранная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет... Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил — и птенчик крохотный,
По малу, по полсаженки,
Низком иерелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба — то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два — исполнится
По вашему желанию,
А в третий быть беде!»

И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулись
Искать столба тридцатого.
Нашли! — Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны...

Крестьяне покопались,
Достали ту коробочку,
Открыли — и нашли
Ту скатерть самобранную!
Нашли и разом вскрикнули:

«Эй, скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!»

Глядь — скатерть развернулася,
Откуда ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.

— А что же нет огурчиков?

— Что нет чайку горячего?

— Что нет кваску холодного?

Все появилось вдруг...

Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися,
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами.
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведуют
Как ни на есть — доподлинно,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики...

Людмила Авдеева
(Москва)

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ

(цикл стихов и отрывки из поэмы к 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова)

Людмила Евгеньевна Авдеева — член Союза писателей России, Международной Федерации журналистов, благотворительного совета Московского Фонда культуры, Российского Союза ветеранов Афганистана. Лауреат и дипломант московских и международных фестивалей поэзии. Автор более 20 поэтических книг, стихов для детей, документальных рассказов, многочисленных статей, очерков, научных работ.

ИСКРОМЕТНОЕ ИМЯ — РОССИЯ

Власть одна сменяется другою.
Вечность оставляет жить стихи,
Чтобы ум тревожили строкою
И врываются в закрома души.

Русь моя, где Пушкин и Некрасов,
Чехов, Достоевский и Толстой,
Ты не смеешь проиграть ни разу,
Ни один за справедливость бой.

Бесшабашна матушка Россия.
Смутные познала времена.
Войнами и грозною стихией
Столько раз была опалена.

Но спасеньем пламенное Слово
И певучий горький русский стих,
Где душа народная — основа,
Где любовь — сердечности мотив.

Русь моя, и мудростью, и силой
Ты всегда сумеешь устоять.
Имя искрометное «Россия!»
С гордостью планете повторять.

СЕЛО ГРЕШНЕВО

*И вот они опять знакомые места...,
Где научился я терпеть и ненавидеть.*

Н. А. Некрасов

Село Грешнево на Волге,
Сколько помнишь ты грехов:
Нрав помещичий, гнев долгий,
Засеченных мужиков.

Помнишь мальчика Николку,
Его любящую мать,
Что пыталась так неловко
От побоев защищать

И детишек, и крестьянок...
Мальчик Коля на луга
К Волге бегал спозаранок,
К Волге, где его душа,

Внемля травам на покосах,
Встречи жаждала с зарей.
Здесь его встречали росы
И туманы над водой.

Он, бурлацкой внемля песне,
Слышал в ней душевный стон.
У села с названьем Грешнево
Был его талант рожден.

Здесь учился ненавидеть,
Ненавидеть и терпеть,
Далеко Россию видеть
И душою песни петь.

Здесь дышали небесами
Его сердце и душа,
Чтобы Русь его стихами
Пела, плакала, жила.

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

*Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали.
Их имена забыться не должны.*

Н. А. Некрасов

Русским женщинам низкий поклон.
На Руси и княжна, и крестьянка
Свою землю, Отечество, дом
Защищали дубьем и берданкой.

И учились любить через край,
И прошли не однажды дорогой,
В ад ведущей, но крыльями рай
Ощущали, и боль, и тревогу.

Красотою Мадонне сродни,
Ведь недаром и сказ, и былины
Ее обликом чистым светлы,
И бессмертием дышат картины,

Где она и невеста, и мать,
И защитница русских просторов.
Ее сердце умеет прощать:
Состраданье в улыбке и взорах.

Но не станет терпеть она мрак,
Не предаст своих братьев и дедов,
Не забудет раздавленный враг
Русских женщин и нашей Победы.

Ей мороз и жара нипочем.
Хватит силы любить и работать.
Она справиться сможет с конем,
Управлять в небесах самолетом.

Мать-Россия молитвой жива,
Чистотою любви, светлой верой
Русских женщин. И знают века
Никогда не сломить изуверам

Русский дух, что поэтом воспет,
Гордость душ, неподвластных стихиям.
Синь небес, яркий солнечный свет
Безграничны над ширью России.

* * *

Не бойся горького забвенья.

Н. А. Некрасов.

Не бойся горького забвенья.
Забудут наши имена.
И не войдут стихотворенья
В хрестоматийные тома.

Но мы любили Русь, как Пушкин,
Мы шли некрасовской тропой,
Чтобы навек замолкли пушки,
Чтоб встретить счастье и покой,

Чтоб жить Руси легко и вольно,
Растить детей и хлеб растить.

Россия, распрощайся с болью
И научись людей любить.

* * *

Счастливые глухи к добру

Н. А. Некрасов

Поэты, певшие печали,
Тоску народную и боль,
Вы слишком рано умирали,
Раздавленные нищетой.

Вам извергали вслед проклятья,
Те, чья строка всегда легка
И лжива, как из сказки платье
Обманутого короля.

Вы правде горестной служили,
А не изнеженности слов.
Родную землю вы любили,
Но без цепей и без оков.

И за добро добром помянут
Вас люди, понимая суть,
Того, что жить свободно станут,
Избрав один лишь верный путь.

И вслед не полетят камня,
Тем, чья поэзия — борьба,
И сердца честные стремленья
Воспримет чистая душа.

* * *

*Да не робей за Отчизну любезную!
Вынес достаточно русский народ...*

Н. А. Некрасов

Жить на Руси надежде,
Жить вере и любви.
Жить песне женской, нежной
И мужеству в крови

У каждого мужчины.
Русь — это долг и честь.
Жить небесам, долинам
И верить — счастье есть.

Ты не робей, Отчизна,
Ты обопрись на тех,
Чья мысль и сердце чисто,
И искренен чей смех.

Жить на Руси вольготно.
Простор родной земли
Художник, на полотнах
С любовью напиши.

И в звуках, композитор,
Останься на века.
Жить на Руси пиитам.
И жить плодам труда.

И множиться России
Талантами детей.
Некрасовскою ширью
Засеянных полей.

Жить Пушкинскою славой,
Толстовской глубиной.
России быть державой.
Великою страной!

ПРОСНИСЬ, РОССИЯ!

Где народ, там и стон...

Ты проснешься исполненный сил...

Н. А. Некрасов

Бог не выдаст, и свинья не съест.
Гром не грянет — лба не перекрестим.
Долго запрягаем. Тянем крест.
Называем стон протяжной песней.

А потом? Жесток кровавый бунт.
Не ищи в нем смысла или толка.
Есть немало на земле Иуд.
В копнах сена не найти иголку.

Спит сермяжный богатырь Илья.
На печи тепло, хватает места.
Не валяй, Россия, дурака.
Из квашни бежит, поднявшись, тесто.

Как хозяйка, замеси пирог,
Чтоб его хватило всем наесться.
Укажи Иудам на порог.
Пожалей свое больное сердце.

Ты проснись исполненная сил,
Повинуйся одному закону:
Русскому народу нужен мир,
Ратный труд, священные иконы.

Матерью-заступницей проснись.
Наберись же первожданной силы,
Чтоб стихом и песней славить жизнь,
Воспевать России облик милый.

Излечись улыбками детей,
Нежностью любви, святою верой.
Станет жизнь и чище, и мудрей,
И счастливой станет непременно.

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ

(отрывки из поэмы)

В каком году рассчитывай.

В какой земле угадывай.

Н. А. Некрасов

1

По щучьему велению свобода не даруется.
И скатерть самобраная не стелется сама.
Свобода только с совестью и честностью рифмуется,
И может быть спокойною лишь чистая душа.
«По правде и по разуму», «без смеху и без хитрости»
Найти ответы хочется на каверзный вопрос:
Кому живется весело, легко по божьей милости
В России в шумном городе и в тишине берез.

2

О, матушка! О, Родина!

Не о себе печалимся. Тебя, родная, жаль...

Н. А. Некрасов

Прости, Россия, тон мой дерзкий,
Но больше не могу молчать.
Толстой, Некрасов, Достоевский...
Тебя любили, словно мать,

«Униженных и оскорбленных»,
Жалели «маленьких» людей.
Ты слышишь стон многомиллионный?
Так стань добрее и мудрей.

Зачем, скажи, сегодня болью
Наказываешь стариков
И отнимаешь воздух вольный,
Плодишь детей-сирот и вдов?

Не забывай о русских сказах,
О русских нивах и полях,
Которые воспел Некрасов,
О белокаменных церквах,

О строках Тютчева и Фета,
И о загадочной душе,
О тех, кто нес тебе Победу
И в космосе, и на войне.

Не забывай святой молитвы,
Свои погосты и леса,
И грандиозные те битвы,
Что прославляли на века

Твои селенья, грады, доли,
Героев славных имена
Татары помнят и монголы
И мразь фашистская сполна.

Не перечеркивай, что было,
Не забывай святых имен.
Воспрянь, великая Россия,
Не очерни своих знамен.

О, как мне хочется гордиться
Тобою, Родина моя!
Расправь же крылья, словно птица,
Что рвется к солнцу в небеса.

Твои просторы необъятны.
Вольготно всем бы можно жить.
Но нынче, сколько их, всеядных,
Тебя решили погубить.

И вечные задав вопросы:
«Кто виноват?», «Как дальше жить?»,
«Проснутся ли великороссы?»...
Пошла я по Руси бродить.

3

*О время, время новое! Ты тоже в песне скажешься,
Но как?..*

Н. А. Некрасов

«Кому живется весело, вольготно на Руси?»,—
Заспорили когда-то об этом мужики.
Пройдем вслед за Некрасовым дороженькою хоженной.
Нам люди повстречаются плохие и хорошие.

Бредем по жизни, странники. А над спиною кнут.
Обещанные пряники никак не испекут.
Ты, помнишь, Русь, некрасовских на Волге бурлаков?
А сколько ныне мается в печали стариков...

И женщины-красавицы, чтоб накормить детей,
В избу войдут в пожарище. Остановить коней

Сумеют. Не обвалится, а уцелеет дом.
Матрен, Наталий, Дарьюшек немало ведь кругом.

Но бары нарождаются. Им имя — олигарх.
Они на длинной лестнице под облаком стоят.
Коттеджи, виллы, яхты у них теперь в чести.
Ведь западные банки не примут медяки.

Российские банкиры жиреют день за днем.
Не колосятся нивы. Мы к пропасти идем.
Бездействуют законы, воруют там и тут.
Взгляд бросив на иконы, свою лишь правду гнут.

Без совести и чести живется им легко.
Вольготно жить. Для лести распахнуто окно.
Добыча и нажива, растление юных душ.
В колокола бей, лира! Дождей пролейся душ!

4

*Такая почва добрая — душа народа русского...
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря и
И ласку милой воспевать*

Н. А. Некрасов

Жить можно и светло, и честно,
По совести и по уму,
Любуясь красотой небесной,
Петь песнь подобно соловью.

Но воспевать любовь и море
Так нелегко, когда болит
Душа от детских слез и горя,
Когда у церкви инвалид

Стоит, протягивая кружку,
И не скрывая ордена.
О, мой народ — великий, русский —
Как ранена твоя душа.

И потому пою, Россия,
Твою отвагу, мощь и честь
Твои просторы, мудрость, силу.
Для правнуков сумей сберечь

Себя, чтобы жилось вольготно,
Свободно, весело, без слез,
Чтоб улыбалась беззаботно,
Ты, Русь моя, красой берез.

Исчезнет все, что было ложно
И только светлой будет грусть.

Ведь жизнь счастливая возможна
В стране с названьем гордым Русь!

Ну, а пока, летит Россия
Над бездной. Сломано крыло
И угрожают ей стихии.
Кому живется хорошо?

5

«Жалеть — жалея умеючи»

Н. А. Некрасов.

Мне жаль заброшенное поле
И вросшую в землю хату,
И сердце, раненное болью,
Седого старого солдата.

Мне жаль голодную собаку,
Которая сродни божу.
Мне жаль, что я теперь со страхом
На Родину свою гляжу.

Она все ближе, ближе к бездне.
Над ней кружится воронье.
Она погибнет, если вместе
Мы не прогоним вон ворье.

И не прогоним ту элиту,
Что, все скупив, не дует в ус.
Едины — взяточник с бандитом,
Растрлители невинных душ.

Они идут ордой татарской.
Проснись, страна. Открой глаза,
Покуда черной жирной краской
Не перепачкана душа.

Покуда не летят камни,
Не улюлюкает толпа.
Во имя новых поколений
Иные вспомни времена.

Своих богатырей-героев —
Иванов русских и Марусь.
И вновь воспрянь, как перед боем,
Могучая святая Русь!

Александр Волобуев
(г. Москва)

Волобуев Александр Тихонович родился в 1939 году в Москве. Окончил Московский авиационный институт, работал конструктором, затем редактором в центральных издательствах и журналах. Главный редактор издательства «Русский Мир».

Стихи, поэмы, рассказы, рецензии, переводы публиковались в периодической печати, передавались по радио и телевидению. Автор 25 книг стихов и прозы для взрослых и детей. Член Союза писателей России. Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Член Всероссийского Некрасовского комитета.*

В ПЕТЕРБУРГЕ

Ставни заперты. Свечка качнула
Желтых пятен неяркую вязь.
Ни стола в комнатушке, ни стула,
Только стен отсыревшая грязь.

Ночь ли? День? Не понять... Через щели
Холод струйками злыми бежит.
На немывтом полу, на шинели
Утомленный Некрасов лежит.

Больше суток не ел он. Быть может,
И сегодня — как в худшие дни?
Не пойти ли к знакомым? Предложат
От обеда остатки они.

Стыдно. Горько. Немало страданий
Доставляют хожденья туда.
Хорошо, на Морской в ресторане
Можно хлеба поесть иногда.

Он живет полунищим три года.
От раздумий болит голова.
Боль народа, страданья народа —
Для него не пустые слова.

---

* Здесь и далее материал рубрики представлен специально для журнала «Приокские зори» Всероссийским Некрасовским комитетом (Председатель — Владимир Фомичев).

ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ

Авдотья Яковлевна — нервная
И, как Некрасов, горяча,—
Нередко начинает первая
Ему с досадой отвечать.

И вот из-за какой-то малости,
Не в силах злобы удержать,
Без сожаления и жалости
Начнут друг друга унижать.

А нервы ждали только случая,
Чтоб вдруг расстроиться всерьез,
И ссора, их обоих мучая,
Дойдет до горьких женских слез.

Потом бывают примирения...
Устав от этих частых драм,
Некрасов с явным нетерпением
Уйти старался по делам.

Но и дела идут невесело,
Цензура — словно из тупиц:
Отдашь журнал — получишь месиво
Без многих строчек и страниц.

И сплетни портят настроение...
Уйти и спрятаться бы, но
И дома нет успокоения,
Лишь раздражение одно.

ГИМНАЗИСТЫ

Жарко. Волга дремотой объята.
Чуть слышны колокольчики стад...
Николай покосился на брата:
— Не пора ли, Андрюша, назад?

— Нет, походим...

Спустились по тропке,
Посмотрели — чиста ли вода...
А в гимназии розги да трепки,—
Ну кого же потянет туда!

На квартиру под вечер вернутся.
Ярославль фонари засветил.
Лягут спать и лежат — не дождутся,
Чтобы ментор из штофа хватил.

Все равно бы он все эти деньги
Растранижил в столичном разврате...
Ухмыльнулся Некрасов — помещик
Снова тысячи бросил на стол.

«СОВРЕМЕННОК»

Не ради славы или денег
(Точней — не только их искал)
Некрасов принял «Современник» —
Рожденный Пушкиным журнал.

Белинский (хоть успел немного)
Пред смертью, не жалея сил,
Журнал поставил на дорогу,
С которой тот подчас сходил

Не сам собой: порою было
Невмоготу вести журнал, —
Цензуры красные чернила
Статьи разили наповал.

Но научились прятать зубы,
Искать для мысли скрытый ход.
Здесь Чернышевский, Добролюбов
Сидели ночи напролет.

Некрасов мог вполне гордиться,
Что оказался стойким он —
Его журнал не сдал позиций,
Был просто грубо запрещен.

Евгений Грязнов
(г. Москва)

«И КАК ЛЮБИЛ ОН — НЕНАВИДЯ!»

Полковник в отставке, отмеченный за доблесть в службе орденами и медалями, является членом Союза писателей России, Заслуженным работником культуры РФ, лауреатом литературных премий имени А. С. Грибоедова, А. П. Чехова, А. Гайдара, К. Симонова, А. Кошко, действительным членом Международной академии духовного единства народов мира. Удостоен Пушкинской медали Союза писателей России.

«Средь высоких хлебов затерялося небогатое наше село»,— пела русская чудопевица, красавица Татьяна Петрова, и я, слушая эту льющуюся прямо из сердца песню, что так резко отличалась от приторно-пошлых песенок о стюардессе по имени Жанна, о трубаче, который зачем-то забрался на крышу, от всей этой красоты, что заполонила эстраду, думал о красоте песни, об авторе строк родниковой чистоты, положенных в ее основу. Думал о Некрасове. И мне представлялось, как мальчик Коля, помогая в качестве письмоводителя отцу, работавшему одно время исправником, то есть уездным полицейским начальником, записывал историю молодого человека, застрелившегося в чужом селе. И, может быть, именно тогда в его голове рождались первые строки стихов, которые позднее будут петь и Лидия Русланова, и Татьяна Петрова, и Екатерина Шаврина, и просто люди, собравшиеся за дружеским столом.

И я, слушая Татьяну Петрову, вспоминал свое детство, трудные послевоенные годы в Одессе, нетопленную школу и стихи Некрасова, которые нам, мальчишкам и девочкам, укутанным в мамины платки, читали вначале Клавдия Максимовна Козьвина, затем Алексей Васильевич Белинский, возможно даже, потомок того Белинского, с кем дружил Некрасов. Жили мы бедно, голодали. Мне, например, деньги на ботинки собирали всем классом. И Некрасов со своей печальной музой нам был близок и понятен. Мне, наверное, особенно, ибо его стихи я познал гораздо раньше, чем пошел в школу. И могу подтвердить: прав поэт Владимир Цыбин, заявивший о том, что «у каждого из нас свой Некрасов». У меня был и есть свой, тот, с которым меня впервые познакомила моя мать, крестьянская дочь Анна Емельяновна Минченкова, знавшая наизусть многие стихи этого поэта. И когда она их мне читала, казалось, что и «Плач детей», и «Школьник», и многое другое — это и обо мне, и о моей маме. И даже когда она читала «Тройку», мне представлялось, что это моя мама, только еще моложе, жадно глядит на дорогу. А уж «Крестьянские дети» и вовсе обо мне — мужичку с ноготок пришлось в шесть лет и лошадку вести под уздцы, и за козой присматривать, и овечкам сенца подбрасывать...

Поэтому, наверное, и пришелся по сердцу мне фильм «Сельская учительница», где главная его героиня, Варвара Мартыновна, в исполнении замечательной Веры Марецкой так проникновенно читает стихотворение Некрасова «Школьник» и где все пропитано самим духом его поэзии.

Ныне кое-кто ставит Николая Алексеевича рядом с Маяковским: оба, мол, реформаторы в поэзии, оба — поэты гражданского звучания. Но я бы не спешил это делать. И не только потому, что не соизмерить русский стих, льющийся прямо из

души Некрасова, и выкрутасы Маяковского. И даже не потому, что первый смело выступал против правителей, а второй что есть сил прославлял их. А потому, что Некрасов ни при каких обстоятельствах не написал бы: «Я люблю смотреть, как умирают дети», как это в 1913 году сделал Маяковский. Сердце Некрасова обливалось кровью, когда в младенческом возрасте в 1848 и в 1855 годах умерли его мальчики, рожденные Панаевой. Лучшие стихи поэт посвятил детям. Детям и женщине-матери, впервые в поэзии поставив ее образ выше образа музы. И спасибо ему за это!

1

«Редко кто из выдающихся писателей возбуждал при жизни и после смерти столько разноречивых оценок, как Н. А. Некрасов. Рядом с восторженным изображением его как «печальника горя народного» существуют отзывы о нем как о стихотворце, в произведениях которого «поэзия и не ночевала», — так писал о нем выдающийся правовед Анатолий Федорович Кони, сын того самого Федора Кони, которому Некрасов однажды написал: «Всем обязан вам».

*Со всех сторон его клянут,
И только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он — ненавидя!..*

Разве думал Николай Алексеевич, что эти строки, посвященные им другому, будут говорить о нем?

В жизни поэта действительно было столько «всякого разного», что впору создать о нем фильм. Удивляюсь, почему до сих пор на подобное не решится ни один режиссер. На мой взгляд, это была бы великолепная приключенческая лента! Разве не интригует сюжет, где в начале голодный юноша, у которого в полуподвальной комнате нет ничего, и он вынужден даже, на удивление заглядывающим в окно прохожим, писать, лежа на полу, а в конце — уважаемый господин с тростью, один из самых известных людей в России, главный редактор популярнейших журналов «Современник» и «Отечественные записки», владелец двух усадеб — Карабихи близ Ярославля и Чудово неподалеку от Новгорода.

Фильм о Некрасове я начал бы, пожалуй, даже раньше — с того момента, когда его отец, несколько грубоватый тридцатилетний русский капитан, увлек семнадцатилетнюю украинку-дворянку Леночку Закревскую, отличавшуюся не только красотой и добротой, но и образованностью, в том числе и музыкальной. Милая, добрая, она сыграла очень большую роль в жизни поэта.

Наверное, не только меня удивляет, как это за биографию Некрасова еще не взялись украинские «руховцы» и не объявили, что проклятые москали оттяпали у них национальную гордость. Для этого у них гораздо больше возможностей, чем тогда, когда они, скажем, объявили Спартака своим земляком лишь на том основании, что тот якобы родился в Крыму. Заодно они бы «вмазали» Некрасову за то, что он, обращаясь к Тарасу Шевченко, назвал его «русской земли человеком замечательным».

Между тем самому Некрасову больше нравилось считать свою маму полькой или «прекрасной полячкой», как говорили в ту пору. Полячкой, которую якобы похитил русский офицер. Какой поэт не живет романтикой!

Кстати, украинские националисты, можно сказать, прошлепали и тот факт, что девушка, которая в знаменитой «Тройке» жадно глядит на дорогу, — Катерина, привезенная матерью Некрасова с Украины. И потому многие художники, иллюстрируя это стихотворение, рисуют ее в национальной украинской одежде. А «Зеленый шум» — это же ведь песня украинских девушек!

История учит, что русские и украинцы всегда были сильны только в союзе. Не потому ли и русско-украинская кровь в поэте пробудила в его творчестве истинно славянский размах!

2

В кадры фильма о Некрасове я бы непременно включил эпизод, о котором я узнал из книги Н. Скатова «Некрасов», относящийся к 1840—1841 годам, когда поэт, ужасно бедствовавший в ту пору, предложил юнкеру, квартировавшему вместе с ним, сходить на вечеринку, чтобы, как говорят сегодня, наесться «на халяву». Для этого надо было немного — взять в костюмерной лавке маскарадные костюмы. Как говорится, голь на выдумку хитра. И вот Некрасов в костюме венецианского дожа, а его приятель — испанского гранда, в коротеньких тогах и длинных чулках едут на вечеринку, потом заходят еще в какую-то харчевню, чтобы пропустить по рюмке. А в результате выясняется, что денег на то, чтобы вытащить из-под залога свою одежду, у них нет. А в квартире холодина, а чулки не греют. И бегают по комнате приятели до утра, пытаясь согреться. А утром еще, оказывается, и есть хочется. Хорошо, у Некрасова две серебряные ложки, подаренные матерью, сохранились. Кое-как выпутались. Но каков конец этой истории! Дож-то в самом деле стал своего рода дожем — великим поэтом России. Теперь пора назвать и гранда, тем более, что он тоже стал своего рода грандом — диктатором всей России. Это — Михаил Тариелович Лорис-Меликов.

Ну и, видимо, не обойтись в фильме без предыстории «Коробейников», тех самых, о которых мы знаем главным образом по отрывку из этой поэмы, ставшей песней. Поэма, как известно, посвящена «другу-приятелю Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды Костромской губернии)». Гаврила Яковлевич Захаров был постоянным спутником поэта на охоте. Он-то и рассказал реальную историю убийства коробейников, которая легла в основу поэмы. История эта такова. Охотник Давыд Петров встретил коробейников, направлявшихся напрямик через болото в село Закобьякино Ярославской губернии, и убил их. Когда Давыд убивал их, то пастушок слышал выстрелы и крики. После убийства Давыд затащил одного на дерево, другого спрятал под корни. Сейчас, когда «Коробейники» поются народом, наверное, странно слышать, что поэма эта обвинялась в слабости, в отсутствии «художественного таланта» и незнании народной жизни.

3

В фильме о Некрасове была бы, конечно, и любовь. Возможно, именно она и стала бы его стержнем. Вначале — кадры о любви бедного юноши к такой же бедной девушке, может быть, швее, а возможно, к прачке или горничной, к той самой, которую в юности он недооценил, но воспел ее терпеливость, уже будучи маститым поэтом. Стихи эти остались, имя девушки Некрасов открыть не захотел.

Затем — любовь двадцатипятилетнего поэта к двадцатисемилетней Авдотье Яковлевне Панаевой, замужней женщине, муж которой был старше ее на семь лет. Любовь к женщине, из-за которой он даже хотел покончить с собой. К женщине, умом и красотой которой восхищались Александр Дюма, Тарас Шевченко, Николай Добролюбов, Николай Чернышевский, в которую был тайно влюблен Федор Достоевский. С Панаевой Некрасов был связан сильным чувством в течение 16 лет. В соавторстве с ней он написал романы «Мертвое озеро», «Три стороны света», повесть «Семья Тальниковых» и ряд рассказов. Ей Николай Алексеевич посвятил стихи «Я не люблю иронии твоей», «Мы с тобой бестолковые люди», «О письма женщины, нам милой», «Я посетил твоё кладбище» и другие, вошедшие в любовный цикл мировых шедевров. Но, выражая сугубо свое мнение, хочу сказать: стихи эти все же не столько о Панаевой, сколько о Некрасове, в них образ любимой даже не очерчен. Используя обращение к женщине, поэт больше говорит о том, что его волнует, а не о том, что волнует или волновало ее. Попутно замечу, что такая тенденция прослеживается и в творчестве многих современных поэтов.

Наверное, навсегда останется загадкой, почему Иван Иванович Панаев, красивый, неглупый, творчески одаренный, с кавказским темпераментом (он был по матери армянином), любящий женщин, вдруг, как говорится, «без боя» уступил свою кра-

савицу жену (и даже квартиру) молодому Некрасову и неожиданно поменялся с ним местами, став «другом семьи Некрасова». Те же объяснения на этот счет, что иногда приводятся в исследованиях, на мой взгляд, не выдерживают никакой критики.

Право, не знаю, вошла бы в фильм о Некрасове его связь с «Ярославной» — ярославской вдовой, возникшая осенью 1869 года и закончившаяся к весне 1870 года. Но роман поэта с Селиной Лефрен, актрисой французской труппы Михайловского театра, длившийся несколько лет, наверное, вошел бы в киноленту. Роман этот начался, можно сказать, красиво — с вояжа за границу летом 1864 года. Ехидно заметим, что в тот год Авдотья Яковлевна Панаева еще не переехала к будущему (третьему) мужу — публицисту Аполлону Филипповичу Головачеву (он, заметим, умрет в один год с Некрасовым) и жила в некрасовско-панаевской квартире на Литейном, а значит, числилась еще хотя и гражданской, но все же женой Некрасова. И уедет она из этой квартиры только в начале 1865 года. Но, видимо, ее отношения с Некрасовым уже были в такой стадии, что поэт покатил за рубеж с француженкой. Кстати, с весьма милой, обаятельной женщиной, некорыстной, но не любящей особенно вглядываться в даль. Некрасову, вероятно, импонировало и то, что Селина была весьма образованна, музыкальна, хорошо пела.

И все-таки, попадись материал о Некрасове к талантливому режиссеру, скажем, к такому, как Михалков, он наверняка бы больше места в фильме отвел другой женщине, менее образованной, но не менее привлекательной и более молодой — «голубоглазой блондинке с очаровательным цветом лица, с красиво очерченным ртом и жемчужными зубами», как ее характеризовал племянник поэта, наверное, сам чуточку влюбленный в нее. Речь идет о Фекле Анисимовне Викторовой (предполагаю, что и эта фамилия выдумана — Е. Г.), которую поэт стал называть Зинаидой Николаевной. Ей было 23, ему 48, когда они познакомились. Не будем копаться в ее прошлом, хотя на этот счет есть разные версии. Скажем другое: вместе им было хорошо. И попадись она другому человеку, девушку ждала бы, вероятно, участь обычной содержанки. Но Некрасов решил по-своему, и Фекла Анисимовна Викторова стала Зинаидой Николаевной Некрасовой. Правда, произошло это буквально за несколько месяцев до смерти поэта.

Некоторым читателям, возможно, покажется странным: Селине Лефрен, красавице и умнице, с которой так долго встречался поэт, не посвящено ни единой строки. Зинаиде, простой русской женщине, — великолепные, может быть, самые искренние, самые лучшие строки. Думаю, ответ тут прост: Некрасов сумел разглядеть красоту души женщины. Да и мы можем ли представить Селину на месте Зинаиды у кровати безнадежно больного поэта?

Забегая вперед, скажем: умерла вдова Некрасова в 1915 (а не в 1914, как это написано в воспоминаниях А.Ф. Кони) в Саратове и похоронена на Воскресенском кладбище, вблизи могил Н. Г. Чернышевского и Н. Е. Каронина-Петропавловского, ныне хорошо забытого русского писателя, автора рассказов и очерков о пореформенной деревне. На скромном обелиске лаконичная надпись: «Некрасова Зинаида Николаевна, жена и друг великого поэта Н. А. Некрасова. 1847—1915 гг.»

4

Вероятно, фильм о Некрасове не обошелся бы без кадров о расколе в журнале «Современник». Его начало приходится на середину 50-х годов, когда в редакцию пришли два молодых критика, два Николая — Добролюбов и Чернышевский. С декабря 1855 года в журнале начинает выходить серия статей Чернышевского «Очерки гоголевского периода», а №№ 8 и 9 за 1856 год печатают статьи Лайбова (псевдоним Добролюбова. Ну и псевдоним! — Е. Г.) о «Собеседнике любителей русского слова». (Как это понять «русское слово»? Что, есть такое слово? — Е. Г.)

Поначалу статьи и того, и другого критика пришлись по душе И. С. Тургеневу, но затем (видимо, вчитавшись более внимательно — Е. Г.) он вдруг резко меняет свое мнение. Несогласие с позицией Чернышевского выразил и А. В. Дружинин, который, порвав с «Современником», возглавил собственный журнал «Библиотека для чте-

ния». (А для чего еще может быть библиотека? — Е. Г.) Свое «фе», как сказали бы в моей родной Одессе, выразил и двадцативосьмилетний сотрудник журнала Лев Толстой, обеспокоенный уходом Дружинина. К Толстому примкнул и Афанасий Фет. Постепенно вокруг Чернышевского разгорелся сыр-бор.

Некрасов, как главный редактор, пытается примирить старых друзей с Чернышевским и теми молодыми сотрудниками, что пришли в журнал, но это ему не удается. И в конце концов он оказывается чужим среди своих и чужим среди чужих, а еще точнее, обрекает себя на отчуждение старых друзей и одиночество среди новых.

Когда-то все мы дружно одобряли трудный выбор Некрасова и аплодировали Николаю Гавриловичу Чернышевскому, повторявшему: «К топору зовите Русь! К топору!» Ныне слышны другие голоса. «Пусть будет трижды проклят новый Чернышевский, что снова Русь позовет к топору!» — так написал современный талантливый поэт Александр Поздняков, являющийся к тому же и военным юристом, что в данном случае тоже имеет немаловажное значение. И, кстати, он высказал не только свое мнение. Впрочем, задним умом мы всегда были сильны.

«Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами», — кто из нас раньше мог усомниться в этих ленинских словах, как, впрочем, и во всем, что говорил вождь мирового пролетариата. Но все дело в том, что не колебался Некрасов и слабым он не был. А был он главным редактором и хотел сохранить свой журнал, который бы не однобоко, а объективно отражал общественное мнение. Вспомним, он ведь в своих взглядах ни в чем не уступил ни той, ни другой стороне.

А вот о расколе он действительно сожалел. И еще очень сожалел, что его благое намерение спасти журнал путем написания оды генералу М. Н. Муравьеву, известному душещипательно польского восстания, кончилось крахом. Николай Алексеевич понял, что совершил ужасную ошибку, но было поздно. И хотя ода не была им никогда опубликована (стихи М. Н. Муравьеву «Бокал задравный поднимая...», ранее входившие в собрания сочинений, принадлежат не Некрасову и включались ошибочно), друзья отвернулись от поэта, и он всю жизнь потом горько переживал об этом.

И уж коли начали мы об огорчениях Некрасова, то, видимо, следует в фильме отвести место так называемому «огаревскому» делу. Суть его в том, что Николай Платонович Огарев, разведясь со своей женой Марией Львовной, выделил ей часть состояния, с которого она получала проценты. Вероятно, ей этого было мало, и она захотела получить сам капитал. И Огарев предоставил его в виде имения и заемных писем-векселей. Но как перевести все это в деньги? Мария Львовна в этих вопросах была полным профаном. К тому же жила она за границей по просроченному паспорту, что затрудняло ее приезд в Россию. И надо было во все это впутаться Некрасову, который посоветовал Огаревой поручить дело ее подруге А. Я. Панаевой. Та так и сделала, прислав ей доверенность, дававшую полную свободу действий. Авдотья Яковлевна перепоручила дело своему дальнему родственнику, Николаю Самойловичу Шаншиеву. Тот оказался человеком крайне недобросовестным. В 1853 году Огарева умерла, можно сказать, в нищете. И тут снова появляется Николай Платонович, требуя вернуть имущество своей бывшей жены. Но Панаева и Шаншиев отказывают ему: мол, поезд уже ушел... Огарев подает на них в суд и выигрывает дело. В 1860 году ему возвращают деньги.

Все бы ничего, но Огарев и его друг Герцен почему-то решили, что вдохновителем акции Панаевой является Некрасов, о чем они поспешили заявить и устно, и печатно. Николай же Алексеевич считал, что он не виноват, и по этому поводу даже хотел поехать в Лондон, чтобы объясниться с Герценом. Но Александр Иванович почему-то не захотел встретиться с Некрасовым. Почему? Кое-кто из критиков объясняет это тем, что Герцен не захотел отказываться от своей версии. Я же осмелюсь в дополнение к этому высказать и свое мнение — не захотел слушать Некрасова, ибо и Герцен, и Огарев сами выглядят в этой истории не в лучшем свете: бросили на произвол судьбы бедную женщину. Пусть плохо поступили Панаева и Шаншиев, но а вы-то, два друга, не могли, что ли, помочь умирающей женщине?

И это еще не весь детектив. Письма, которые писал Некрасов Панаевой, как известно, Авдотья Яковлевна сожгла. А ведь именно они могли пролить свет на «огаревское» дело. Но вот после 1917 года в архиве III отделения находят копию странички письма, якобы написанного Некрасовым Панаевой в сентябре 1857 года, где есть такие строчки: «Твоя честь была мне дороже своей, и так будет, невзирая на настоящее с этим клеймом я умру. А чем ты платишь мне за такую — знаю сам — страшную жертву? Показала ли ты когда, что понимаешь всю глубину своего преступления перед женщиной, всеми оставленной (в том числе и Огаревым, и Герценом? — Е. Г.), а тобою считавшейся за подругу? Презрение Огарева, Герцена, Анненкова, Сатина не смыть всю жизнь, оно висит надо мной...» Не это ли хотел сказать Некрасов Герцену? Если все так (а очень похоже, что так), как изложено в письме, то мужчина, принимающий на себя такой тяжкий грех во имя любимой женщины, заслуживает, на мой взгляд, всяческого уважения. И становится, кстати, понятным, почему Панаева сожгла письма Некрасова.

Но... Опять это злосчастное «но» Но дело в том, что копия есть копия — самого письма никто из исследователей творчества поэта не видел. Впрочем, в «огаревском» деле попытался разобраться и К. И. Чуковский, написавший о нем книжку «Жена поэта», которая вышла в 1921 году и высокую оценку которой дал А.Ф. Кони «Давно не читал я ничего, до такой степени удовлетворяющего нравственное чувство и кладущего блистательный конец односторонним толкованиям и поспешно-доверчивым обвинениям».

Блистательный конец? Но ведь книжка Чуковского построена на письме. А было ли письмо?

5

В одной из своих книг Константин Паустовский писал, что «человек так неудачно устроен, что все-таки ждет прекрасных повторений». Увы, повторения эти зачастую бывают далеко не прекрасными! Вот и недавно, глядя по ТВ репортаж с митинга в Кемерово, я услышал, как одна женщина повторила некрасовские слова «Народ освобожден, но счастлив ли народ?» И вопрос, прозвучавший на митинге, не праздный. Когда смотришь, что творится в стране, невольно вспоминаются слова поэта, сказанные им давно:

*Бывали хуже времена.
Но не было подлей...*

Читаешь поэму Некрасова «Современники», написанную в 1875 году, и оторопь берет — это же не только о его, но и о наших современниках! И о тех, кого мы называем сегодня «новыми русскими», он уже писал, вкладывая в это понятие, как и мы, определенный криминальный смысл:

*Грош у новейших господ
Выше стыда и закона...
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.
Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно...
Шуйско-Ивановский гусь —
Американец?.. Конечно!
Что ни попало — тащат.
«Наш идеал, — говорят, —
Заатлантический брат
Бог его тоже ведь доллар!»*

Ей-Богу, хочется закричать — «Ба, знакомые все лица!», читая эти строки:

*Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нем видели мессию.
Попал на министерский стул
И — наглупил на всю Россию.*

Или эти строки:

*Этот тип безмерно гнусен.
Современный Митрофан
Глуп во всем, в одном искусен.
Залезать в чужой карман!*

Уже журналистами (Гавриилом Хромовым, в частности, из «Новой ежедневной газеты») замечено, что воплощенная мечта некоторых господ выражена Некрасовым в строках:

*Сидели тут рядом тузы-иноземцы.
Остзейские, русские, прусские немцы,
Евреи и греки и много других —
В Варшаве, в Одессе, в Крыму, в Петербурге
Банкирские фирмы у них —
На аки, на раки, на берги и бурги
Кончатся прозвища их.*

Многим из нас знаком и этот тип, выведенный в поэме:

*Военный человек, не спорю я, прекрасен.
Но дальше от него держаться должно нам:
Во времена войны — опасен он врагам,
А в мирное — он всем опасен.*

И эти нам известны:

*Не рискуя головою,
Эти рыцари страны
Так и рвут что можно с бою
У народа, у казны.*

И трогательно-нежным единением капитала с властями нас уже не удивишь.

*Во-первых, тут были почетные лица
В чинах, с орденами. Их видит столица
В сенате, в палатах, в судах.
Служа безупречно и пользуясь весом,
Они посвящают досуг интересам
Коммерческих фирм на паях...*

Будто подсмотрел Николай Алексеевич в наше время, когда писал:

*Под опалой в оны годы
Находился демократ,
Друг народа, друг свободы,
А теперь он — плутократ!
Спекуляторские штуки
Ловко двигает вперед
При содействии науки
Этот старый патриот...*

Думаю, снимать кадры, связанные с поэмой «Современники», в фильме о Некрасове было бы очень просто: актеры здесь не нужны — достаточно документальной

телехроники. О правовом беспределе, о людях, исповедующих одно и делающих другое, о детях, просящих в метро милостыню, и о дядях из детских фондов, отдыхающих на Канарах, о «генерале Диме» и Сергее Станкевиче и т. д и т. п.

А кроме «Современников» есть еще у Некрасова «Медвежья охота», где прямо из груди вырывается крик поэта:

*Какие выдвинуты морды
На первый план! Гроза, беда!*

И тут же:

*Не так ли множество идей
Погибло несомненно важных,
Помяв порядочных людей
И выдвинув вперед продажных?*

И вывод:

*Мудренными путями Бог ведет
Тебя, многострадальная Россия!*

Сколько помню, «Некрасов» и «демократ» всегда рассматривались как слова-синонимы. Казалось бы, и люди, причисляющие себя к демократам, должны были в наше время поднять поэта на свой щит. А они, судя по всему, его недолюбливают: такая, мол, поэзия не для утонченных ценителей! А между тем поэзию Некрасова высоко ценили и Блок, и Есенин, и Цветаева. В 1919 году, отвечая на известную анкету К. И. Чуковского «Некрасов и мы», Гумилев откровенно казнил себя за эстетизм, мешавший ему в ранние годы по достоинству оценить значение некрасовской поэзии.

Сколько противниками музыки Некрасова написано пародий на его стихи! Сколько глумления над его прекрасными стихами о русских женщинах. Прекрасный ответ на эти глумления, по-моему, дал Наум Коржавин:

*...Столетье промчалось, и снова,
Как в тот незапамятный год —
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд...
Но кони — все скачут и скачут.
А избы горят и горят.*

А избы горят и горят... И вновь в ушах звучат стихи Некрасова «Внимая ужасам войны», где он пишет о святых, искренних слезах матерей, потерявших на поле битвы своих сыновей. И это опять о нас и о нашем времени.

Николай Алексеевич родился в студеную зиму 1821 года и ушел из жизни, когда в Петербурге лютовали декабрьские морозы 1877 года. Но все его творчество пронизано весенним светом любви к простым людям. Он по-настоящему любил свой народ, ненавидя до боли в сердце его угнетателей.

*Новое время — свободы, движенья
Земства, железных путей
Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей? —*

с горечью вопрошал поэт за несколько лет до своей смерти.

Ах, как он, посвятивший лиру народу своему, хотел увидеть своих соотечественников счастливыми! Не довелось.

Провожать в последний путь поэта, несмотря на лютый мороз, вышли тысячи людей...

Владимир Фомичев
(г. Москва)

МОЙ ВЕНОК Н. А. НЕКРАСОВУ

Владимир Тимофеевич Фомичев — поэт, прозаик, литературный критик, публицист. Родился в небольшой смоленской деревушке Желтоухи, недалеко от исторической Вязьмы. Во Восточном (ныне Угранский) районе, «малой родине» писателя Ивана Соколова-Микитова и лирика Михаила Исаковского. В дошкольном возрасте пережил два кошмарных года фашистской оккупации. Его отец в 1943 погиб на фронте. В условиях послевоенной разрухи и многодетной семьи поэт с отличием окончил сельскую семилетку, затем — энергетическое отделение политехникума и историко-филологический факультет Государственного пединститута (сегодня университет) в Москве.

Три года служил в армии, танкист, механик-водитель первого класса, офицер запаса. Трудился разнорабочим, проводником, преподавателем, директором школы, старшим инженером Мингазпрома, журналистом в различных уголках страны, в том числе пять лет на Крайнем Севере Тюменщины. Редактировал книги в издательствах «Современник», «Правда», «Граница». Возглавлял редакции известных столичных газет «Московский литератор» и «Пульс Тушина». Ни в чем не виновного, его как руководителя «ПТ» восемнадцать раз пытались упрятать в тюрьму — за сопротивление беззаконию под видом «перестройки» и «реформ», раскрытие злодеяний против государствообразующей нации. Но в конце концов полностью оправдали.

В. Фомичев являлся секретарем Союза писателей РСФСР, председателем Ревизионной комиссии Международного Сообщества писательских Союзов (2000—2005), ответственным за информационные выпуски Исполкома МСПС «Дом Ростовых».

В. Т. Фомичев — член Союзов писателей СССР и России, академик Международной Славянской Академии, председатель Всероссийского Некрасовского комитета, лауреат литературных премий Н. Некрасова, А. Чехова, М. Исаковского, «Прохоровское поле» и других. Почетный житель Угранского района Смоленской области и Покровское-Стрешнево (бывший Тушинский) г. Москвы. Награжден медалями «Интернационалист-боец за правое дело палестинского народа», «За веру и добро», «100-летие А. Т. Твардовского».

ЗЕРКАЛО

190-летию Николая НЕКРАСОВА

Боже мой, Николай Алексеевич,
Вы — не древность, не даль Одиссея,
Вы же зеркало нашего дня!

Суть вещей от ямщин до Чернобыля,
От оброка до США-«филантропии»
В вас видна, как в яслях малышня.

Чертовщина улыбок бессмысленных
В урагане реклам над Отчизною
Обеспамятовшей, как скелет,

Вашей, вашей свободой уносится.
Чищу, чищу Русь-дом этих лет
Вашей с неба строкой пылесосною.

Сердце вам в унисон надрывается
Злостью мира, как лед ободранцами,
«Плохо верится в силу добра».

Но лазури небесное пение,
День Победы — отвага нетленная —
Это радости, счастья заря.

Я, как вы, тишины понаслушаюсь.
Надышусь херувимской опушкою,
Взвеселюсь чистой матерью-Земли.

Заглушу звуки злобы некрасовски
Ликом родины — кровными красками,
Станут чувства и думы светлы.

* * *

*О мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!*

Николай Некрасов

Бог наградил его любовью,
Она — святое слово «мать»*.
Любезной мальчиком сыновье
Поднес признание строкою,
Откупоривши дар писать.

С тех пор пленительная мама
Вела корабль его стихов.
Некрасов — исполинский самый
Из всех певцов под небесами,
Кто этой темы слышал зов.

И просиявшие, как Пушкин,
Так не объяли диво див —
Небесную родимой душу
С почина до предсмертной стужи
Лелеял только он один.

И лик болезненно-печальный,
И песнь, и бледная рука,
И голос чудный, плач фатальный,
И путь, что правый изначально, —
Все свет-спаситель маяка.

---

* Выделенные разрядкой слова о матери принадлежат Н. Некрасову.

Ах, звуки лиры небывалой
О подарившей чистый мир!
Каким огнем в груди пылала,
Какою силой идеала
Ты стала, м а м е н ь к а — кумир!

ЕВГЕНИЮ ГУСЕВУ

Россия сильна провинцией

Н. Карамзин

Здравствуй, брат по перу на родимой земельке,
На домашней, на ладной, на яростно цельной.

Областям всем российским оживает в Карабихе
Твой привет ярославский, широк по-некрасовски.

И Кубань, и Находка — все родные и близкие —
Здесь в июле, как в паспорт нашей Родины вписаны.

Здравствуй, брат по перу колыбельной идеи
Про добро, на котором копятся злодеи.

А добро — значит, тост за здоровье народа,
И за верных друзей, и за волжскую воду.

А добро: сила — в правде, божественность воли;
Дохнут, словно бы мухи, от него балаболы.

Здравствуй, брат мой по светлой, по трепетной силе —
Мира нечисти всей несомненной могиле.

ПАМЯТЬ О 1993-м

Трус, кто сторицей не мстит

Николай Некрасов

Шайка дегенератов
Танком шла на закон.
Людоедам награды
Нацепил мрак времен —
Расстрелявшим закон.

Нелюбовью к России
Распалилось ворье.
Бреду лошади сивой
Не сдадимся живьем —
Нелюбови к России.

Не стираются смерти
И Советов, и душ.
Пусть во сне видят черти:
Кары мертвых грядут —
И Советов, и душ.